

Вячеслав Карижинский

Ночь Сведенборга

В некоторых адах виднеются как бы развалины домов и городов после пожара - тут живут и скрываются адские духи. В менее жестоких адах виднеются как бы плохие избушки, иногда сплошь наподобие города, с улицами и площадями: в этих домах обитают адские духи, предаваясь постоянно ссорам, распрям, дракам и истязаниям; на улицах и площадях совершается воровство и грабеж. В иных адах только одни распутные, отвратительные на вид дома, полные всякого рода нечистот и извержений. Есть там и темные леса, в которых адские духи скитаются, как дикие звери, и в которых также есть подземные пещеры, служащие местом убежища для преследуемых. Есть там и пустыни, в которых нет ничего, кроме песка и бесплодия; кое-где тут попадаются крутые скалы с пещерами, а иногда и хижинки: в эти пустынные места выгоняются из ада те, что перенесли крайние муки, в особенности те, что в мире превосходили других искусством обмана и вымыслом хитростей; такова напоследок их жизнь.

Эммануил Сведенборг "О Небесах, о мире духов и об аде"

1. «Ведьмин час»

Вскакиваю с постели в холодном поту. Во рту сухая горечь, во всём теле тупая боль. За запахнутой дверью вижу свой пыльный балкон с низкими перилами, залитый ярким лунным светом. Бросаю взгляд на часы – три утра. Пытаюсь вспомнить, сколько же лет я просыпаюсь по ночам в одно и то же время, в этот ведьмин час, испытывая похмелье и какую-то невыразимую душевную муку.

Ночной город парализован тишиной. Не слышно журчания воды в каналах, застыли в безветрии листья городских деревьев, и стало как-то совсем не по-весеннему холодно. Рывком срываю с вешалки и накидываю на себя старый, прохудившийся плащ, ощупываю дрожащими пальцами медную мелочь в кармане и выбегаю во двор, громко захлопывая покосившуюся деревянную дверь своего жилища.

- Всё это уже было со мной, было, - бормочу себе под нос, - да и чёрт с ним. Найти бы только двести грамм водки или бутылку вина. Тогда и отпустит. Всё закрыто, но может, встречу кого-нибудь...

Каждый шаг даётся с болью. Но когда говоришь с самим собой, долго тараторишь себе под нос неведь что, телесные муки делаются незаметнее.

А вот и первый силуэт. Сутулый, мужской, вдавленный в пыльную скамейку городского парка. Прибавляю шаг, направляюсь к нему, семена ватными ногами. Подхожу совсем близко.

- Доброй ночи, милый человек, - выдавливаю из себя и вижу, как легко вздрагивает шляпа незнакомца. Он поднимает голову и разлепляет мутные, почти бесцветные глаза. - А, это

ты! – узнаёт меня, называет по имени и широко улыбается. - Живём, дядя Серж, - подхватываю я, - у меня есть мелочь. Только где возьмём? - Да у Барбоса есть в овощном, возьмём. Небось ещё не спит, татарский шельмец. Айда! Но, но, но! Без закуси нельзя, ну ты ж понимаешь, не смогу, сблую, хотя бы корку хлеба надо. А хорошо бы и огурчик ещё. Овощной же, ёб твою... Не откажи! Огурчиков да хлебушка возьмём. - Да возьмём-возьмём, делов-то, - обрываю его суетливую речь, - но у Барбоса свет что-то не горит. - Знаю я, он не спит. Копейки свои пересчитывает, кощей. Дай мелочь. Я сейчас сбегая. Двоих увидит, не даст. Тебя увидит, не даст, ты же буйный. Бесогон, блядь, он тебя боится – я лучше один, шёпотом, на цыпочках...

Потемнело в глазах. Я закрыл лицо руками и замер в ожидании. Живчик Серж в серой шляпе с густыми, слегка тронутыми сединой усами и бесцветными глазами вернулся быстро. - А теперь айда-айда! - Куда ещё? - Айда, только тихо, чтобы Барбос не услышал. Будем сидеть со всеми удобствами, хе-хе! Пробравшись узкой тропкой между строениями, мы оказались на пустыре с тыльной стороны одного из жилых домов. Там обнаружили два высоких заржавелых железных стула и круглый столик. - Это Барбос, сука, из кафе вынес и припрятал. – объяснил Серж. - Брависсимо! Ну, где там дичь? - Погодь! Сразу ему дичь... Дай отдышаться. Чур, я первый отопью. По праву старшинства. - Давай, не мешкай! Кстати, сколько там денег осталось?

Серж зажал в руке мутную банку с сивухой и свирепо зыркнул на меня. - Вот вы все такие, блядь, не русские! Этот Барбос, жмот золотоордынский, никогда в долг не даст. Туфли, часы – последние трусы снимет. И ещё упрасивай его полчаса, мудака. А ты кто? Поляк, да? Польская шляхта. Знаю я вас, тварей лютых, вы и немцев на войне перещеголяли, своих живьём в землю зарывали... - Давай, делай уже. Башка же раскалывается! – огрызнулся я. - Тихо ты, не ори! Барбос услышит... Махнув рукой и сплюнув, мой визави шумно выдохнул и одним гигантским глотком опорожнил половину ёмкости. - Не тебя ли, Сержик, я видел пару дней назад возле общественного туалета? Ты там бегал кругами, будто искал кого-то... - Не напоминай, - морщась и хрустя огурцом пробубнил Серж. - С растянутым гондоном в руке бегал, озираясь по сторонам, как сумасшедший, - продолжал я, - смешное и страшное зрелище. Это ж как надо было надраться?! И где ты успел им воспользоваться? Или ты туда нассал? - Закрой рот свой вшивый, польская шляхта! - Там ещё какая-то старуха мимо плелась. Грязная и пьяная. Бездомная, наверное. Эт-ты чё, бродяжку в сортире трахнул? Дожил, батя? Вдруг Серж побледнел, замер, и лицо его застыло в неподвижной гримасе. - Ладно, не кипятись. Больше не буду. Но и ты меня впредь не называй польской шляхтой. Какой я тебе на хер поляк?

Глядя куда-то в сторону, Серж схватил мою руку, сжал её изо всех сил и издал приглушённый стон. - Не пей эту бесовскую отраву, сынок, - я увидел, как на его морщинистом лице заходили крупные желваки. - Три дочери в Крыму, как три дома в дыму. Во вражеской вотчине мой сын на обочине, в земле загороженной, мой сын незаконнорожденный, жинке бедной моей в снотворное сыплет шалава оспу чёрную, сыплет проказу на половицы, и никому в доме не спится... - Да ты дуркуешь, батя! Какой дури наглотался? Кончай цирк! - В сердце твоём комната, в ней родится мёртвый ребёнок, это ты, ты – убийца... Не отвечай крестоплюям, они будут допрашивать, они будут в твоей голове...

Серж зажмурил глаза, словно охваченный внезапной болью, скривил лицо, и из его полукрытого рта неторопливой мутной струйкой потекла рвота. Я отвёл глаза от гадкого зрелища в надежде, что меня не вывернет следом. Зажмурил глаза и заткнул уши.

Спустя полторы-две минуты отвёл руки от лица и увидел, что на месте, где только что сидел Серж, никого не было. На полу валялась его серая шляпа, а на столике с его стороны образовалось нечто, напоминавшее тонкую ткань. Приглядевшись, понял, что это кожа – серая, омертвевшая человеческая кожа. Часть её, подобно расплавленным часам на картине Дали, свисала с края стола, вздрагивая от малейшего дуновения ветра. Напоминающая горстку праха, какие бывают на месте, где до костей истлела падаль, она была усыпана пеплом сожжённых волос. Густых, едва тронутых сединой волос Сержа.

Мне не было страшно. Я знал, что такое уже случалось раньше. Знал, да только не мог вспомнить...

Поднёс банку с недопитой жидкостью к лицу, и в нос мне ударил запах больных внутренностей и нечистот. Сплюнув, выругался и швырнул банку оземь. Раскатистому звону стекла откуда-то издали ответил истошный собачий лай.

- Ну что ж, идём дальше искать приключения. Пусть хоть весь мир треснет, но мне надобно опохмелиться!

Вышел на дорогу и побрёл неведомо куда, ведомый тоскливой жёлтой дымкой ночных фонарей в колдовскую тишь старых безлюдных улиц...

2. «Люди - тени»

У обочины дороги трое развели костёр. Коренастый невысокий мужичок с золотым зубом то и дело подбрасывал в огонь сухие тонкие палки. Слева от него, прямо на асфальте сидела, вытянув кривые ноги, мужеподобная девица с коротким, непропорциональным торсом и побитым оспой лицом. Сидела и смотрела на огонь ничего не выражающим взглядом. А по правую руку от главного суетился присевший на корточки худощавый старик, долго и безрезультатно искавший что-то в своей холщовой котомке.

- Люди добрые, выпить не найдётся?

Главный, завидев меня, широко улыбнулся и подозвал жестом руки.

- Иди сюда, давай к нам, дорогой. Головушка бо-бо, да? - Не то слово, - выдавил ответную улыбку из себя, подошёл ближе и присел возле костра. - Ну и закусить, конечно, надоть. Мы же не пропойцы какие-то, да? Мы люди интеллигентные. Глянь, Матрёна, какой кавалер пожаловал. Сразу видно, интеллигентный человек, да?

Девица даже не взглянула в мою сторону. А главный, осмотрев меня с ног до головы мелкими бегающими глазками, протянул дымящийся кусочек мяса, по-видимому, только что вынутый из огня, и пояснил:

- Провианта мало. Но это пока... Вот, подкрепимся, и ждёт нас работёнка. Сделаем её, а утром будем пировать в ресторане. Правильно говорю, Хоттабыч? Старик, не отрываясь от своей котомки, согласно кивнул и промычал что-то нечленораздельное. - Горло бы промочить, а то ведь не полезет в него кусок твоей горелой кошатины, - простонал я,

чувствуя, как покидают меня последние силы. - Да-да, конечно. Только понемножку. Не всё сразу...

Осмотревшись тревожно по сторонам, он достал из-за спины фляжку и разлил по стаканам.

- Какая-то розовая муть, - подумал я, - но вроде пахнет, как вино. Да и чёрт с ним.

Проглотил залпом, как воду, и ничего не почувствовал.

- Вот так, теперь передохни. Потом ещё выпьешь, - каким-то заискивающим тоном, растягивая слова, процедил главный, обнажая кривой улыбкой свой золотой зуб. - Работёнка ждёт. Но ещё есть время. И лучше всего время проходит за разговором. Правильно, Матрёна? А ты глянь на неё. Сидит, задумчивая. Она у меня вот такая от рождения, белая да дебелия. Дура. Зато не знаю с ней проблем, не мешает мне в работе... Это, знаешь, шурина нас обобрал, по миру пустил три года назад. Торгаш хренов! Хотел дочурку мою отобрать, когда матушка-то спилась да померла от удара. Но я не дал ему малютку. Отправил шурина под землю торговать. Понимаешь?

Тут у меня слегка закружилась голова, а мужик рассмеялся. Смеялся он так ехидно, что на миг подумалось, будто он хохочет надо мной.

- Сыночек, это же воры. Воры и убийцы. Уходи скорей! – вдруг раздался в моей голове отчётливый голос мамы. Вздвогнув, я резко выпрямился и посмотрел прямо в глаза своему собеседнику.

- На кого ж мне оставить Матрёну, пока работу будем делать, а? – продолжал он - Совсем, понимаешь, не женскую работу. Слушай, интеллигентный человек, у тебя деньжата какие есть?

Затем, сбавив голос, продолжил: - Может, с тобой красавица моя побудет? Натянешь в кустах, да она и не пискнет. Правда, Матрёна? Смотри сюда, нравится тебе жених? И снова расхохотался.

- Ты допизидишься у меня, хуйло хитрожопое, - внезапно заголосил противным осипшим голосом старик, швырнув свой мешок в костёр, - Это я тебе сейчас жопу натяну, если не скажешь, куда дел ключи от хаты. На нары меня хочешь отправить, сука щербатая, а сам куш сорвать? А хуй тебе я пойду на нары! - Что ты несёшь, старый? У тебя же ключи. Тебе же было поручено ключи пригреть! - Нет ключей! А у меня так не бывает! Ты понял? У меня не бывает так, чтобы были ключи, а потом не было ключей! Это ты их спиздил, кинуть меня захотел, паскуда? - Ты со мной так не шути! Ты мне дело не испортишь. В пять утра на хате никого не будет. Ровно в пять утра мы будем там. И ты достанешь ключи. И ты отопрёшь дверь! - Ты что, оглох, ебандей? Говорю же, нет ключей! Матрёна не могла их взять. Значит, ты, шакал, их спиздил!

Я смотрел на ссорящихся, как на две трясущиеся тряпичные куклы. Эти люди казались мне совершенно неживыми – неправдоподобными, застывающими в прозрачной и вязкой смоле времени миражами, двигающимися точно в замедленной съёмке. Всё происходило словно в каком-то ненастоящем мире, спроецированном на экран кинотеатра. В душе у меня было пусто и спокойно. Ни один волосок не дрогнул, когда главный обрушил на голову старика стеклянную фляжку с вином, а затем ловким движением пера в руке перерезал ему горло.

Глядя невозмутимо на пламя костра, Матрёна объяснила: - Папе не нужны сообщники. Ему нужны их отпечатки пальцев. - Умная девочка, подождешь здесь папку, - процедил сквозь зубы главный и полоснул ножом шею Матрёны, но вместо крови из свежей раны на землю посыпались липкие комки опарышей. Каждый удар её сердца выдавливал новую порцию. А на земле опарыши начинали быстро расти, превращаясь в огромных червей.

- Сегодня папке не дойти до хаты, не кутить утром в ресторане, не отведать крабов и красной икры...

Это были последние слова Матрёны. Закатив мутные глаза, в которых уже угадала последняя искра жизни, она слегка качнулась и упала своим маленьким и некрасивым телом на тлеющие угли костра.

Черви ползли в направлении убийцы. Напрасно он, всем своим видом выражающий панику, пытался спастись от них бегством, оступаясь на ровном месте, падая навзничь, тут же вскакивая и падая снова.

- Сам смогу, без вас! Без вас, суки! Сдохните! Прочь от меня, прочь! – кричал он.

И когда несколько тварей впились в ступни убийцы, всё его тело, подобно осыпающейся штукатурке, начало разваливаться на части, ниспадать хлопьями содранной плоти, оплавляться, точно огарок свечи, тускнеть и исчезать. Словно разрезанная на мелкие части фотография, смотрело на меня агонизирующее нечто, бывшее целым мгновение назад.

А потом всё стихло. Холод и тишина триумфально взошли на место, где ещё минуту назад были трое. Не осталось ни тел, ни червей, ни костра. Только три горстки пепла на дороге.

- И так каждый раз, - подхватив мою мысль, прокомментировал с улыбкой высокий, худощавый пожилой мужчина в кепке, вышедший из-за спины и присевший рядом на асфальт, - сколько ни пей – не опохмелиться, сколько ни ешь – не насытиться... - Если всё это сон, - продолжил я - то почему я не верю ему, сомневаюсь в реальности происходящего? Ведь во снах мы, как правило, безоглядно верим всему, что видим вокруг, и оттого абсолютно беззащитны. А если не верим, то сразу просыпаемся...

- Ты до сих пор отказываешь своим снам в праве быть осознанными, – ответил старик встречным вопросом, - и полагаешь, что только вера делает человека беззащитным? Спроси безверие своё, как часто оно защищало тебя...

- Что ж, если это реальность ада, значит она зачем-то нужна. Зачем может быть нужен ад? Только для научения. Ведь именно оно является конечной целью любого наказания, иначе в нём нет никакого смысла. И буду я просыпаться каждый раз в три утра и проживать этот ёбанный «день сурка», вернее, ночь скунса... Крысиную, червивую ночь – пока не пройду свой урок. А тогда, хоть мне и не свойственен оптимистический взгляд на жизнь, я смею предполагать, что из ада есть выход. Если и не в привычных времени и пространстве, где надлежит претерпеть отпущенные сроки и прокатить на горбу оное количество сизифовых камней, то в постижении... В осознании некой истины, что может случиться в один момент... - я вопросительно взглянул на невозмутимое лицо собеседника, выразившее, как мне казалось, умиротворение.

- Десятки лет человек разменивает свою жизнь на ничто, - ответил старик, - без воли и без цели влачит существование, и в лучшем случае лишь страх смерти удерживает его в мире живых. Умирая же, человеку вдруг прозревает и не может понять, не может объяснить себе,

что было с ним все эти годы. Почему он покорно, нисколько не сопротивляясь, шёл на погибель, как замороженный, словно заранее доподлинно знал, что все попытки изменить жизнь глупы и тщетны? Откуда в нём была такая заведомая уверенность, не основанная на знании? Он с сожалением смотрит на праздничные гирлянды и свечи, на разноцветные огни за чужими окнами и занавешивает собственное, облепленное паутиной окно плотными чёрными шторами, словно стыдясь зияющей пустоты своего обиталища. Между тем ему ни разу не приходило в голову сравнить себя с другими творениями природы. Например, с рекой? Почему одна река несёт чистые воды по плавному руслу своему, а русло другой реки изломано зигзагами, и вода в ней мутная и зловонная? И самый главный вопрос: почему река не спрашивает, за что, почему, для чего ей достались именно такие свойства, а не другие? Человеку думает, что, если есть лабиринт, значит должен быть маршрут к его выходу; если есть загадка, значит, быть и разгадке; на каждый замок – отмычка, на каждый аверс – реверс. Так ли это? Кто тебе сказал, сынок, что выход вообще должен быть? Что у каждого дома есть план; что, войдя в единственную в доме дверь, ты сможешь потом через неё так же выйти? Очень легко убедиться в ошибочности этого суждения. Попробуй представить себе, сколько мышей, больших и маленьких, умных и глупых, погибло в мышеловках. Представил себе число? А ведь это далеко не самая сложная – да что там – одна из примитивнейших ловушек, когда-либо изобретённых человеком. А теперь попробуй мыслить множествами – сколько поколений было отравлено ложью великих идей и принесено в жертву придуманным богам, сколько народов и цивилизаций окропило их алтари кровушкой своих сограждан и было стёрто с лица земли по нехитрому плану серых кардиналов власти. Посмотри – паутина на окне того бесполезного человека, хватающегося за свои толстые чёрные шторы, способна погубить солнечный свет: однажды коснувшись обманчивой лёгкости паучьих кружев, он заблудится в ней, ослепнет, завязнет и угаснет, точно хилый мотылёк. Кто-то спросит, а где был бог, почему солнце не вмешалось и не подсказало выход своему юному и несмышлёному пасынку-лучу... Будет ещё много дурацких вопросов, которыми люди по обыкновению отбиваются от главного ответа – от зрелища своего паука, своей собственной пустоты. Ты есть то, с чем ты пришёл в этот мир – и это всё, что тебе следует знать. Нет причин для радости, и для горя их тоже нет. Нет смысла и цели в жизни, если только ты сам не придумаешь таковые для себя. Нет никакой истины и никаких уроков, которым ты воображаешь, что учишься. То же мне, подмастерье бога. Кому нужны твои знания, и ты сам, кому выгодно тебя учить? Забудь эту чушь. Есть только ты и твои мысли – твоя начинка, состоящая из всего того генетического мусора, что в тебя бездумно спустила мать-природа, и того, что ты успел впитать в первые годы жизни, пока твой ещё не заскорузлый мозг был идеальной губкой, всасывающей всё дерьмо и благовонье окружающей среды. В этом ты весь. И это может быть твоим раем, а может быть адом. Впрочем, должен заметить, что раёв я здесь ещё ни разу не видел. Остаётся надеяться, что на все эти сонмы жутких видений у тебя найдётся достаточно иронии. Бедные-бедные мои люди. *Oyez l'appel du vide! Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.* *

- Только ты и твои мысли, - ответил я вполголоса, - и так с первого дня, от первого вздоха. С чем пришёл, с тем и останешься навек. Не в этом ли заключается вся бессмысленность ада? - Ты ещё не готов к встрече с Пустотой. Но помни. Так будет всегда! Только встретишь кого, едва разглядишь лицо, едва услышишь живые нотки человеческого голоса в тёмной ночи – всё тут же обратится в шорох и пепел. - В шорох и пепел, - повторил я, зная, что мой собеседник исчез в этот же миг. О том сообщили холод и тишина, ставшие уже такие знакомыми. Настигающие душу внезапно, холод и тишина, которыми в этом адском краю всякий голос обрывается на полуслове.

---

* Услышьте же зов пустоты! Оставь надежду, всяк сюда входящий (фр. – итал.)

И только поднявшийся лёгкий ветерок разворошил свежую горстку пепла и понёс его по пустой ночной дороге...

- А ещё здесь бывают дожди, тёплые и свежие, - сказал я самому себе, поднимаясь на ноги, - но они больше не радуют меня. Ад — это то, что остаётся с тобой неизменно, повторяется снова и снова, проигрывая один и тот же сценарий, без вариантов. Это наши механические мысли, не покидающие очерченный сознанием круг. Это непреходящее похмелье. А ещё — это то, что постоянно умаляет тебя. То, что отрывает от тебя по кускам и без того немногие радости, интересы, способности и прозрения.словно растущая раковая опухоль, пожирающая мозг, опорожняющая чувства и память, ад, обедняя душу, неотвратимо приближает её к пустоте...

3. «Беги за рассветом»

- Помоги найти маму с папой, - попросил меня ребёнок лет десяти, - они потеряли меня на празднике. - А где этот праздник? - В шумном месте. Где-то там... - И как же мы найдём шумное место где-то там? Ну ладно, айда... Мы пошли быстрым шагом вперёд, миновав овощной магазин на перекрёстке, где бессонный продавец по кличке Барбос, торговавший спиртным из-под полы, безостановочно пересчитывал деньги в кассе. Миновали ещё два или три перекрёстка. Мне показалось, что я никогда раньше и не добирался до этих мест.

- Скажи мне, братец, почему у меня такое чувство, будто не родители тебя потеряли, а я — именно я теряю тебя снова и снова? — подумалось, что в этом странном мире мне в пору начать задавать странные вопросы, не страшась реакции на них, - И это при том, что вижу тебя впервые. Или просто не помню...

- Я так долго ищу их, что мне стало казаться, будто на самом деле я это не я, что мамы с папой у меня никогда не было. Иногда я даже не знаю, кого ищу, потому что незнакомцы нередко кажутся роднее и лучше. Если мои родители бросили меня, а я умер, или убили меня до рождения, значит я должен найти кого-то другого? Но я никогда не нахожу, и как бы мне ни нравились порой чужие люди, я продолжаю тосковать о маме с папой, которых почти совсем не помню...

Я заметил, что с какого-то момента едва слышный шум толпы, доносившийся издалека, перестал приближаться. Мы продолжали шествовать в его направлении, надеясь попасть в заветное «шумное место», но звук не становился ни громче, ни тише. Тогда я с горечью осознал, в чём состоял жестокий и несправедливый ад малыша. И он сам уже почти понял механизм своего ада. О, только бы малыш успел к нему привыкнуть...

- А какие у тебя ещё бывают воспоминания? — спросил я, даже не надеясь услышать в ответе подсказку.

- Однажды, на исходе ночи я не мог заснуть. Обычно, ближе к утру, я нахожу укромное мягкое местечко в траве или на газоне. Но в ту ночь я попал в такой странный район, где совсем не было зелени. Пытался устроиться на обочине пешеходной дорожки, но там было очень жёстко, и я продолжал идти. Страшно кружилась голова, темнело в глазах. И вдруг я увидел яркое свечение впереди. Так, словно солнце восходило прямо за соседним домом. Кто-то бежал навстречу свету, крича от боли, падая и снова поднимаясь. И кто-то другой позади трижды повторил ему вслед: «Беги за рассветом!». Бежавший хватался руками за

свет, но его пальцы натыкались на невидимую, прозрачную стену. Кровь текла по его рукам. А потом я потерял сознание.

- Значит, нам надо дождаться рассвета, не заснуть. Возможно, только так мы сможем выскочить из ночи.

- Беги за рассветом, - тихо произнёс малыш, посмотрев на меня очень грустными глазами, - а я буду искать. Мне кажется, я так привык к этому, что просто не могу поступать иначе. Хотя это больно и напрасно, и потому неправильно. Но я живу этой болью, этим поиском. Он стал мне дороже, чем те, кого я ищу. К тому же, я ещё успею спастись. Если же тебя здесь ничего не держит, беги за рассветом...

Несколько минут мы шли молча по незнакомой дороге. Шли вразвалочку, устало, без цели, будто в полусне, и каждый думал о чём-то своём. Я не заметил исчезновение малыша – лишь знал доподлинно, что он одномоментно растаял, превратился в шёпот ветра и пепел, как и все другие люди-тени, встреченные мной этой ночью. В душе зародилось некое предчувствие скорого наступления утра, и я продолжал бродить по пустому городу, прибавив шаг, дабы отогнать усталость и сонливость.

Набережная. Пристань. Тёплое, пахнущее тиной море. Я опустился без сил возле воды, видя, как медленно и неохотно отступала ночная темень и небо приобретало синий оттенок. Глаза закрывались непроизвольно.

- Не смогу... Больше ни минуты, - пробормотал я себе под нос, - спокойной ночи, малыш.

Ещё не успели веки сомкнуться, как в глаза мне ударил нестерпимо яркий и горячий свет. Так, словно, кто-то врубил перед лицом мощный прожектор. Я мгновенно покрылся испариной, издал какой-то нечеловеческий рык, вскочил на ноги и бросился бежать навстречу свету.

4. «Аз воздам по слову твоему»

Не помню, как мне удалось прорваться в день. Дурнота отступила через пару часов, когда на незнакомой местности, залитой жёлтым полуденным светом, я увидел длинную вереницу людей. То была похоронная процессия. Фигуры людей сливались в одну чёрную струю и напоминали медленную реку, заполнившую узкое русло дороги, а возле людей, кривляясь и гримасничая, подпрыгивая, кувыркаясь и пританцовывая, кишели мелкие бесы, видом напоминавшие обезьян. Они то и дело прыгали в открытый гроб прямо на покойника, потом выпрыгивали обратно, наступая на плечи и головы людей, но люди их не видели.

- Аааа! Смотрите, вот он, вот он! – закричал один из бесов, заметив меня, - Передумал, значит? Согласился? А ну давай, прыгай в гроб живо, иначе вернём тебя назад!

Не зная, для чего, но с полной уверенностью, что другого выхода у меня нет, я послушался и с удивлением обнаружил, что моё тело почти невесомо, а сам я, как и бесы, невидим для людей. Одним прыжком я оказался на груди покойника, а четверо наиболее любопытных бесов окружили меня, присев на стенки гроба.

- Ты помнишь уговор? Сделаешь?

- Нет. Какой уговор? Что от меня нужно?

- Когда вдова наклонится к покойнику и поцелует его в лоб на прощание, ты залезешь ей в горло, а потом проберёшься внутрь, вниз по пищеводу. Ты будешь расти из желудка и заполнишь её всю. А когда закончатся поминки, ты утопишь её сына-отрока в колодце, а дочь пяти месяцев отроду бросишь в печь. Потом всё подробно опишешь в письме, заклеишь конверт кровью и оставишь на столе. Вечером ты отправишься в кабак, переспишь с десятью пьяницами и повесишь вдову на ветке яблони. Следующие же сутки будут твои – будешь делать всё, что душе угодно до рассвета третьего дня. Утром же третьего дня получишь новое задание. И если хочешь наслаждаться свободой по чётным дням недели, будешь исправно выполнять наши задания.

- И сколько же у вас таких рабов?

- Довольно будет. Но из твоих краёв народу немного. Редкому чудаку удаётся пережить рассвет. Охотнее всего к нам идут люди ещё при жизни, скучающие от повседневности и никогда не видевшие ночи.

Четвёрка бесов хором засмеялась, и казалось, я слышал не четыре, а сорок четыре голоса.

- Если человеку по силам вырваться из ада, значит и из вашей кабалы есть выход.

- К крестоплюям захотел? Что ж, их там мало, но тебе там не поздоровится! И запомни – ты уже не человек и никогда не станешь им снова!

- Кто это такие?

- Такая же сволота, как и ты, только послушавшаяся нас. Крестоплюи, при жизни кощунники и пьяницы, отбывают наказание месяцами и годами без сна, прячась от дневного света в лесах, пещерах, под мостами, а иногда и в чьей-нибудь дурной голове. Их ты и слышал при жизни во время белой горячки. Помнишь голоса неумолчные, песни непрерывные, вопросы неугомонные? Им ведь и в твоей голове нет сна и покоя, только свет уже не ранит, вот они и говорят, говорят, говорят. Да и сводить с ума им приятно...

Заметив краем глаза, что процессия проплывает мимо какой-то старой, неприметной церквушки, я решил действовать спонтанно, выпрыгнул из гроба и влетел в раскрытую дверь, мгновенно оказавшись у подножия церковного алтаря. В следующий миг за моей спиной оказалась смеющаяся орава бесов.

- Ты посмотри, он думал, что так от нас отвяжется. Какой наивный! Ты же не веришь в Бога, а значит Его нет для тебя. Стало быть, Его нет и для нас. Разница в том, что мы для тебя были, есть и будем отныне и присно, - новая волна многоголосого хохота прогремела надо мной.

- Вот дурак, - подхватил другой бес, - он думает, что дело в вере. Да плевать нам на это. Важно лишь то, что есть в твоём сознании, неважно в каком виде и качестве. Что есть, то суще, чего нет, того нет.

- Вы-то откуда взялись, малахольные? – я натужно улыбнулся, напрасно стараясь скрыть свой страх.

- Бога в глаза никто не видел, а о нас говорят без умолку. И рисуют нас! Мы есть. Бога нет. Какой ты дурак! Впрочем, хватит болтать. А ну быстро возвращайся на место или сейчас же сбросим тебя к крестоплюям.

- А почему вдова этого покойника? Почему её дети...?

- О! – возопил бес – ты воистину идиот! Не-по-че-му! Напрасно с тобой говорил Мессир, ты не дал себе труд поразмыслить над его словами! Знай же, все грешат, но никто не виноват! Все страдают без причины, а мы делаем то или иное с людьми не по их заслугам, а для нашего удовольствия. Так устроен весь мир, вся вселенная. Сильный делает то, что нравится. Слабый – то, что угодно сильному. Самая толковая книга, когда-либо написанная человеком – трилогия де Сада. Но и там вы, наивные и трусливые рабы, не усмотрели великого откровения. Вам больше по душе сказки про богов и про разумное устройство мира с любовью божьей. Если бы мы могли творить, то воскрешали бы людей из глины вновь и вновь, дабы в аду не пустело. Как тебе такое умное мироустройство? И как тебе такая любовь?

Орава бесов снова дружно захохотала. Один из них выскочил ко мне и начал кружиться в несуразном танце, напевая на манер частушки сочинённые, казалось, экспромтом слова. Его уродливое тельце, сильно отличавшееся от тел прочих бесов, как мне показалось, было ущербным от природы или сильно покалеченным.

- Трам-парам-парам, вдову я замуж за тебя отдам, она карлица, она плакальщица, ходит по похоронам, носит девственную плеву в храм. Она-то твоё лицо обмотает свиной кожей да закопает под тутовым деревом. А в колодце глубоком вода тебя ждёт, пламя печи младеньчика жжёт.

- Хреновая у тебя рифма, - процедил я сквозь зубы и попытался дать шаловливому подзатыльник, но тот ловко увернулся.

- Аз воздам по слову твоему. Три дочери в Крыму, как три дома в дыму. Жинке бедной моей в снотворное сыплет шалава оспу чёрную, сыплет проказу на половицы, и никому в доме не спится. А ну пошёл к крестоплюям!

Бес заломил за спину корявые лапы, и в глазах у меня зарябило. Я почувствовал, как проваливаюсь под пол и лечу куда-то вниз со скоростью сорвавшегося с высоты лифта, всё дальше, к центру земли. Казалось, я летел часами, оставаясь неподвижным. Но потом чьи-то сильные руки остановили падение. В кромешной темноте, я услышал голос Сержа, почувствовал мёртвую хватку его рук, вцепившихся в мои плечи.

- Ты отказался. Ты молодец! Даже если в этом мире остались только черти, борись дальше! Борись за то, что свято для тебя. Борись, даже если битва уже проиграна, борись за то, чему не победить!

- Почему ты здесь, Серж? Что произошло?

- Ты отказался. А я убил... Понимаешь? Я изнасиловал и убил ту старуху в сортире. Убил по их приказу. Убил, уже будучи в аду. И потому мне от них теперь не уйти. Я не мог подумать, что ты видел меня... с тем, что осталось после содеянного... Так они высмеяли меня. Когда ты сказал, что видел, они услышали и всё поняли. После убийства я пришёл в ужас и бежал обратно в ад, чтобы больше не выполнять приказы бесов. Они забрали меня и бросили сюда, к крестоплюям. Здесь хуже, чем в аду, но лучше, чем в их мире. Я теперь

один из... Послушай, у нас мало времени. Скоро здесь всё начнёт меняться. Я буду уже не я и ещё придут другие...

- Серж, значит ты тоже смог выйти в день, как и я. Почему бы нам не повторить, а?

- Ты можешь, польская шляхта. У тебя есть шанс. А я убийца дважды. При жизни по моей вине погиб сначала мой сын, а потом три мои дочери от другого брака. Уснул пьяный с сигаретой, случился пожар. После того моя жена потеряла сон и вскоре сошла с ума, ей с тех пор постоянно кажется, что кто-то хочет её отравить. Я бросил жинку свою. И пил до конца дней, пока меня не нашли остывшего возле общественного туалета...

- Они издеваются над нами, - перебил я, - и воссоздают уродливые миры из наших воспоминаний. Всё здесь кишит деталями и образами наших жизней, которые мы не можем вспомнить. И над нами потешаются, как над слепыми котятками, что натываются на стены и не могут выйти в открытую дверь.

- Никогда не могут выйти! Кто знает, бесы создают эти миры или мы сами населяем наши реальности бесами. Ты в отличие от меня не убивал. Ни при жизни, ни после. Ты можешь попытаться ещё раз. Скажи, а ты помнишь свою жизнь; помнишь, как умер?

- Нет, Серж. Я помню только эту ночь, бесконечную ночь, начинающуюся в три утра...

- Под конец жизни ты лечился, вшил себе «торпеду». Твои дела пошли на лад, а здоровье – на поправку. Но тебя ничего не радовало. Ты словно скучал по той, старой и непутёвой жизни, по тем временам, когда мы с тобой вечерами клянчили у Барбоса выпивку, ругались с ним, умудрялись-таки достать «дичь» и пили до утра возле костра, к которому то и дело подходили сомнительные ночные гости. Однажды ты сорвался. Прямо как Высоцкий, кухонным ножом вырезал «торпеду» из себя, да пить начал пуще прежнего. От тебя отказалась семья, а рана, сделанная тобой, недолеченная, вскоре дала осложнения. Ты умер от заражения крови, пьяный, в три часа утра в своей постели. Тебя нашли через пару дней. Я слышал, их ошарашила твоя рана, в которой уже копошились черви... Сейчас просто закрой глаза и представь себе то место, куда хочешь отправиться. Представь, как можно ярче представь себе это место – и окажешься там. Всё, уходи, уходи!

- Помнишь, что было сказано Мастеру и Маргарите? Вы не заслужили рай, но заслужили покой. Быть может, есть в этом посмертии такое место, где есть покой. А, Серж?

- Ты отказался. Ты молодец! – металлическим голосом заговорил Серж, - А на вражеской вотчине мой сын на обочине, в земле загороженной, мой сын незаконнорожденный. Братцы, железное пойло вольём добру-молодцу в горло! Пей, пей, пей с нами!

- Но не в земле – я буду здесь, с тобою, в дыхании ветра, в солнечных лучах, я буду в море бледною волною и облачною тенью в небесах** - вспомнились мне строчки из стихотворения.

Нарастал гул. Крестоплюи просачивались сквозь подземные толщи. Голодные и злые, теснились в подземной обители, не зная где ещё прятаться. Я зажмурил глаза и представил себе место покоя.

---

* Стихотворение Зинаиды Гиппиус «Отрада» (прим. автора)

5. «Августина»

Она встретила меня у распахнутых ржавых ворот старого кладбища и предложила пройтись вместе. Женщина лет сорока пяти по имени Августина несла в руке плетёную корзинку, полную самых разных цветов. Стоял прохладный весенний день. Мы долго ходили по кладбищу и беседовали. Августина то и дело останавливалась возле какой-нибудь могилки, вынимала из корзинки цветов и медленным жестом опускала его на надгробие.

- По тропам скорби моей хожу я, - сказала она, угадав в моём взгляде вопрос, - здесь повсюду мои потери. И самая горькая из них – мой юный сын, вскрывший себе вены из-за несчастной любви. Я не вынесла горя и решила последовать за ним, однако оказалась не в аду, а здесь. Быть может, Бог сжалился надо мной, не позволив бесам бросить меня в пекло. А может быть, просто таков мой ад. Я каждый день прихожу сюда паломницей памяти, оставляю на могилах цветы, а потом иду в храм и молюсь за упокой своего сына. Быть может, таков мой теперешний долг. А может быть, это просто сон, бесконечно повторяющийся сон...

- Неужто после всего увиденного у тебя осталась вера во что-то?

- Думается мне, - тихо и задумчиво ответила женщина, - что моя вера здесь окрепла. Однако в иные дни я подозреваю в себе трусость и слабость. Кто знает, бегство ли это от правды или приближение к ней. Но здесь так тихо и хорошо, среди молитв и трав. И после обедни тут нет никого, кроме меня и моего безумия.

Августина улыбнулась.

- Бывает, днём встречаю людей, уставших от мира. В основном, это старики, среди которых женщин заметно больше. Они селятся в деревянных домах, что строят здешние сельчане, и ведут с ними совместное хозяйство. В основном, наши гости добрые и отзывчивые люди. Злым же приходится много работать. Их узнают сразу по нерадивым делам их рук. Строительство у них не идёт, а пища, что они готовят, пахнет покойником, и никто к ней не притрагивается. Вера здесь тихая, не суетная, не навязчивая. Никто не судит тебя за сомнения и ошибки. Здесь все понимают, самое главное – остаться наедине со своей памятью. Только услышав и поняв их, можно что-то изменить. Например, умалить себя и приступить к благостыне. Но и этого никто не требует. Ведь иным предназначены совсем другие труды, а кому-то и вовсе прописан исключительный покой.

До конца кладбища мы шли молча. Говорить больше не хотелось. Я растворялся в ароматах разнотравья, и казалось, птичьи трели и ветер лечили меня. Я вспоминал детство и юность, идя с почти закрытыми глазами.

- Иногда, - спустя несколько минут нарушила молчанье Августина, - до меня по вечерам откуда-то издалека, быть может, с гор доносится нежная музыка скрипки и флейты. Тогда всю душу мою охватывает острое, как в детстве, чувство зарождающейся новой жизни, готовящегося чуда. Так, будто всё ещё впереди. Музыка зовёт меня куда-то. И я бы с радостью пошла, но... Так жаль, что мне некого взять с собой в это путешествие. Одна идти я не решаюсь.

- Возможно, - подумал я вслух, - отсюда не может быть выхода для нас, призраков. Мы так желаем возврата в мир людей, но почему-то совсем не задумываемся о том, что могло бы там с нами стать. Невидимые для других, бесплотные, не могущие ни на что повлиять, не способные вмешаться в ход событий, мы бродили бы в аду реальной жизни, в той же своей

напрасности, но отягощённой наблюдением за живыми, для которых реальная жизнь продолжается. Мы бы видели будущих мужей наших вдов, с которыми они найдут новое счастье, компании старых друзей, где о нас уже никогда не вспоминают. Их болезни и смерти. Мы бы также беспомощно наблюдали старость и смерть отчего дома, города и страны. Нет, я не хочу возвращаться – разве только живым. Всё бы отдал, чтобы остаться в твоём аду, Августина. Этими кладбищенскими деревьями можно любоваться бесконечно. Здесь я чувствую примирение с собой и своей памятью. Пока день не закончился, я могу путешествовать. Но смогу ли я остаться здесь, когда наступит вечер? Что мне сделать, чтобы остаться? Конечно, ты не знаешь, и я не знаю! Остаётся только ждать.

Женщина подошла совсем близко и вложила мне в руки три зелёные ветки.

- Здесь рядом есть речка. Сходи, искупайся, тебе станет лучше. Можешь потом прилечь на берегу и поспать, ничего не бойся. Ночь не властна над днём. Только не забудь выкопать три небольшие лунки и опустить в них эти три веточки. Ветку мирта, ветку оливы и ветку кипариса. Не забудь! Когда-нибудь и мои руки прорастут тонкими стеблями из сухой земли...

Выйдя к реке и выполнив наказ Августины, с которой попрощался на кладбищенской дороге, я сбросил с себя одежду и нырнул в холодную воду. Проплыл несколько раз от одного берега к другому, вышел из воды и прилёг на густую траву возле посаженных мной веток. Хоровод мыслей в голове постепенно утихал. Веки сомкнулись и, медленно погружаясь в сон, я слышал только собственные мысли – как тихий голос поодаль от меня.

- Ветка мирта на добрую память, ветка оливы к перемирию, ветка кипариса для жизни вечной. И все они – одно. Все они – надежда. Так тихо и хорошо среди трав, и нет здесь никого, кроме меня и моего безумия, меня и моей скрипки, меня и моей флейты. Ночь и день. Два мира, бегущих от самих себя навстречу друг другу. Две руки, протянутые через бездну. Две песни, проходящие барьеры вечности. Я ещё успею спастись. Я ещё успею спастись...

6. «...»

Вскакиваю с постели в холодном поту. Во рту сухая горечь, во всём теле тупая боль. За распахнутой дверью вижу свой пыльный балкон с низкими перилами, залитый ярким лунным светом. Бросаю взгляд на часы – три утра, «ведьмин час». Ощущаю саднящую боль в области живота. Накидываю на плечи пиджак и, хромая, выхожу из дома во двор. Позади слышатся какие-то звуки. Я не один...

Ночной город парализован тишиной. Не слышно журчания воды в каналах, застыли в безветрии листья городских деревьев, и стало как-то совсем не по-весеннему холодно. Остановился посреди дороги и уткнулся взглядом в серый асфальт. Кто-то вышел следом за мной. Я медленно обернулся. Позади меня с закрытыми глазами стоял знакомый мальчик лет десяти.

- Не надо сегодня уходить. Я отдал свету глаза, чтобы найти тебя. Думаю, теперь, когда мы будем жить вместе, нам будет хорошо. Однажды я смогу назвать тебя папой...

Мы вернулись в дом, где, как мне показалось, стало заметно просторнее и чище. Закутанная в серый вязаный пуховый платок, в комнату вошла Августина, усадила меня в кресло и подала бокал горячего чая.

- Не делай резких движений, - предупредила она, - твоя рана только начала заживать.

Я приподнял край рубашки и взглянул на свой перебинтованный живот.

- Если я никогда не вырасту, - заявил мальчик, - то тебе придётся каждый вечер читать мне сказки перед сном. Теперь я могу видеть только твоими словами...

- Как ты умудрился разбить такие большие часы? – недоумевала Августина, - Лопнуло стекло, завод заело. А они всё-таки идут, надо же. Половина четвёртого. До утра осталось совсем мало.

- Они идут, - повторил я почти шёпотом, - они идут...

И тогда, глядя друг на друга, мы замолчали.

А в это время на берегу реки в бледном свете полной луны мои руки проросли ветками оливы и мирта. Обняв корнями моё сердце, меж ними проросла и ветка кипариса – самая высокая.

26.05.2017